

ВОПРОСЫ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Автором-вдохновителем нового понимания толерантности стал Герберт Маркузе, а его «программной статьёй» – «Подавляющая толерантность» (или «Репрессивная толерантность»), увидевшая свет в 1965 году. Толерантность (как и свобода) для Маркузе – цель в себе (а не средство!). Но она является таковой только тогда, когда она действительно универсальна и одинаково практикуется всеми («управляющими и управляемыми, господами и крестьянами, шерифами и их жертвами»). Выдвигая свои аргументы против Милля, терпимость которого не позволяет переходить от слов к действиям, он протестует против того либерального общества, воплощением которого являются современные Маркузе Англия и США: «полагаясь на эффективные исторические ограничения, навязанные его классовой структурой», это общество практикует общую толерантность, но эта толерантность – кажущаяся. С точки зрения Герберта Маркузе, Милль в своей концепции свободы, сосредоточившись на институциональных подробностях, упустил внутреннюю связь между свободой и правдой. Правда, для Маркузе, – телос терпимости, её конечная цель. Поэтому Маркузе интересует «проблема создания возможности такой гармонии между свободными индивидуумами», которая заключается «не в нахождении компромисса между соревнующимися сторонами» (а также между свободой и законом, общим и частным благополучием и интересами в установленном обществе), «но создании общества, где человек больше не является рабом институтов, изначально делающих самоопределение неэффективным. Другими словами, свободу всё ещё нужно создать, даже для самых свободных из существующих обществ». Не принимая во внимание суть слов и дел, защищая неверные слова и дела, терпимость противоречит свободе и действует против возможности её установления. Когда суть универсальной терпимости больше не превалирует, когда терпимость проводится в жизнь

лишь для того, чтобы манипулировать индивидуумами, такая терпимость ставится Маркузе под сомнение. В центре новой трактовки толерантности находится критика философом репрессивной цивилизации (это понятие у Маркузе тождественно культуре) и современного ему индустриального общества. Начало его теории было положено в трудах «Эрос и цивилизация» (1956) и «Одномерный человек» (1964). В них мыслитель делает ряд революционных выводов. С его точки зрения, технологический прогресс, который, казалось бы, должен был привести к освобождению индивида, на самом деле ещё больше поработил его. Виной тому стало потребительское отношение к природе, создание «общества благоденствия», стимулирующее безграничное потребление и победа рациональности. Рациональность в мышлении имеет и отрицательную сторону: «концентрационные лагеря, массовое истребление людей, мировые войны и атомные бомбы вовсе не «рецидив варварства», а безудержная реализация достижения современной науки, технологии и власти». Рост уровня жизни (в том числе и среди рабочего класса) в промышленно развитых западных странах, по наблюдениям Маркузе, приводит к исчезновению прежних революционных противоречий и делает социально бессмысленным неподчинение системе.

Вследствие трансформации антагонистических сил общество развитых стран лишило все критические идеи оппозиционности, встроило их в свое функционирование и стало тоталитарным (Маркузе понимает под этим термином экономическое координирование общества путём формирования ложных потребностей). В таком обществе индивид лишён онтологической и моральной основы для развития своей автономии. Он лишь исполняет предустановленные функции и желает того, что ему положено желать. Для определения альтернативы Маркузе в своём эстетическом подходе ввёл образы Орфея и Нарцисса, содержанием которых является эротическое примирение (союз) человека и природы, когда порядок становится красотой, а труд – игрой. Затем он проследил философскую легитимацию эстетического измерения. Обнаружив, что в философии Канта оно занимает

центральное положение между чувственностью и нравственностью как двумя полюсами человеческого существования, Маркузе предполагает, что эстетическое измерение должно основываться на принципах, значимых для обоих миров. Его философское усилие найти опосредование между чувственностью и разумом в эстетическом измерении предстает как попытка примирения двух сфер человеческого существования, разорванных репрессивным принципом реальности. Такое примирение ведет к усилению чувственности против тирании разума. Таким образом Маркузе формулирует принципы нерепрессивной цивилизации, в которой разум – чувствен, а чувственность – рациональна. Писатель осознаёт, что нерепрессивный порядок возможен лишь в состоянии изобилия: ***свобода находится за пределами борьбы за существование***. Тем не менее, в условиях современной ему действительности труд, доставляющий удовольствие, по-прежнему является редким исключением и возможен либо за пределами (как «хобби»), либо на периферии мира труда. Потребность «расслабиться» с помощью предоставляемых культурной индустрией развлечений тоже репрессивна, и ее подавление является существенным шагом на пути к свободе. Там, где репрессия стала настолько эффективной, что приняла для человека (иллюзорную) форму свободы упразднение такой свободы может на первый взгляд даже показаться тоталитарным актом. Средства массовой информации, выдавая частные интересы за интересы всех разумных людей, превращают политические потребности общества в индивидуальные потребности и устремления, удовлетворение которых служит развитию бизнеса. «Развитая индустриальная цивилизация – это царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы, свидетельствующей о техническом прогрессе».

Философия Маркузе, не желая быть служанкой подавления, противопоставляет существующему порядку Великий Отказ (отказ Орфея-освободителя) от навязанных потребностей и аналитическое разложение гипостазируемых понятий («Класс», «Отечество», «Свобода личности» и

др.). В этом смысле экономическая свобода означает свободу от ежедневной борьбы за существование, от необходимости зарабатывать на жизнь, а политическая – освобождение индивидов от политики, которую они не могут реально контролировать. Подобным же образом смысл интеллектуальной свободы состоит в возрождении индивидуальной мысли, в упразднении «общественного мнения». Единственную силу, реально противостоящую индустриальному обществу, Маркузе видит в «прослойке отверженных и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых представителей других рас и цветных, безработных и нетрудоспособных. Они остаются за бортом демократического процесса, и их жизнь являет собой самую непосредственную и реальную необходимость отмены невыносимых условий и институтов». Помимо этого Маркузе одним из первых с нео-марксистских позиций четко определил проблему «богатый Север – бедный Юг» («мировой город» – «мировая деревня»): «в современную эпоху победа над нуждой все еще ограничена небольшими островками индустриально развитого общества», – и указал, что западный «первый мир» выступает в роли коллективного эксплуататора по отношению к «третьему миру», страдающему от войн, голода, отравленной природы и слаборазвитости. Анализируя, при каких условиях полуколониальные страны могут воспринять путь индустриализации, отличный от капитализма и современного ему коммунизма, Герберт Маркузе делает ставку на местную культуру и традиции этих обществ. В политическом предисловии 1966 года к «Эросу и цивилизации» философ уже комментирует ту действительность, проявлениям которой во многом способствовали его произведения. Фактически лозунг хиппи: «Занимайтесь любовью, а не войной», был сформулирован Маркузе. Однако популяризация его идей привела к их существенной вульгаризации. Впоследствии «левый поворот» в теории толерантности был адаптирован в политическую риторику западного общества, несколько ограничив при этом свободу слова: символическое

признание меньшинств повлекло за собой меньшую толерантность к некоторым категориям взглядов даже на уровне публичных дебатов.

Сегодня в проблеме терроризма значительное место занимает и понятие толерантности населения, особенно в аспекте ее повышения. Нам представляется наиболее адекватным из существующих в литературе такое толкование толерантности: «это способность становиться менее чувствительным к определенному стимулу, особенно при продолжительном контакте с ним». Но в данном случае решающее значение приобретают значимость стимула и масштаб его действия. В случае терроризма все эти вопросы оказываются значительно более сложными. При рассмотрении терроризма целесообразно выделять два уровня толерантности – психофизиологический и социально-психологический. 1). Психофизиологический уровень определяет устойчивость человеческого организма как биологической формы существования к внешним воздействиям. Психофизиологическая толерантность к факту такой угрозы связана с устойчивостью соматовегетативных и психических переживаний страха. 2). Социально-психологический уровень толерантности в большой степени определяет устойчивость человека как члена общества, отражающей совокупность многих общественных отношений. В этом случае можно говорить и о социально-психологическом уровне переживаний человека, который характеризуется страхом деструкции личностно-социальной идентичности. Психофизиологическая-социально-психологическая толерантность соотносится с основными структурными уровнями центрального поражающего фактора терроризма – страха: от витального до мировоззренческого. С учетом планетарного масштаба проблемы терроризма, о чем речь шла выше, понятно, что ни одно государство не в состоянии решить указанную проблему самостоятельно. Из приведенных выше сведений следует, что патогенное действие террористического акта обусловлено как степенью патогенности его самого, так и степенью уязвимости индивида в отношении этого воздействия. Поэтому повышению

толерантности должно способствовать уменьшению уязвимости индивида, повышению его психической устойчивости. С учетом типичных для реакции на террористический акт переживаний «неизвестности», «паники», «беспомощности» особое значение для повышения толерантности приобретает обучение населения, повышение его осведомленности в ситуации, просвещение. Естественно, различные мероприятия по психологической подготовке населения к потенциальной возможности террористических актов не могут целиком решить проблему повышения толерантности к терроризму. Тем не менее этот путь заслуживает подробного рассмотрения.

В плане мировоззренческого повышения толерантности населения к терроризму можно выделить уровень социализации личности – от семейной до гражданской. Поскольку терроризм направлен на разрушение обоих измерений – самой личности и отношения «личность – общество», повышение мировоззренческой толерантности к террористическому акту может быть связано с формированием самодостаточной личности с устоявшимся стереотипом ценностно-смысловых понятий и с формированием более гармоничных отношений «личность – общество».

Социально-политические события последнего десятилетия показали, что мощным инструментом в этой работе является информация, предоставляемая СМИ, ибо она способна формировать определенное мнение по тем или иным вопросам. Чтобы этот важный потенциал был положительным и способствовал повышению толерантности населения к терроризму, однако антитеррористическое просвещение должно быть высокопрофессиональным. С сожалением приходится констатировать, что в нашей стране искажение принципа гласности и перестройки привело к появлению материалов, которые публиковались без учета их отрицательного воздействия на психику индивида и общественное сознание, что особенно опасно в случае террористических актов. Это говорит о необходимости привлечения внимания руководящих органов средств массовой информации к

соответствующим аспектам подготовки профессионалов, в том числе с участием психологов, социальных работников и даже психиатров. Руководители и исполнители должны быть ответственны и за адекватность и саногенность соответствующих программ работы с населением. Поиск новых, в том числе нетрадиционных, путей повышения толерантности населения должен исключать всякого рода авантюризм и профессиональную неподготовленность. Неправильно составленные или применяемые не по назначению программы и тренинги могут не только не дать желаемого эффекта, но, напротив, снизить толерантность населения и даже «сенсбилизировать» общество. Возможными негативными последствиями такого непрофессионального подхода могут быть провокация «невротической готовности», панических и фобических реакций, индуктивных психических нарушений, обострений психотических расстройств и других нервно-психических нарушений.

Можно определить направления повышения толерантности населения: 1). Проведение специальных образовательных циклов, лекций о возможных последствиях террористических актов и мерах профилактики среди студентов вузов и других учебных заведений; 2). Работа со СМИ по определению форм и методов освещения потенциальной угрозы таких актов. 3). Тренинги на развитие процессов саморегуляции. Высокий уровень и оптимальный стиль саморегуляции. Саморегуляция человеком своей жизнедеятельности представляется как долговременная саморегуляция личности. Она тесно связана с общим уровнем развития личности и является ее важнейшей характеристикой. 4). Программа подготовки населения к угрозе разного рода террористических актов должна носить мультидисциплинарный, комплексный характер, и в ее реализации обязаны принимать участие не только силовые структуры и иные заинтересованные ведомства, но государство и общество в целом.

Литература

1. Деркач А.А., Перелыгина Е.Б. Социальная психология и акмеология: формирование имиджа. – М.: Альтекс, 2006. – 479 с.
2. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Переживание потока // Психология мотивации и эмоций/ под. ред. Гиппенрейтер Ю.Б. и Фаликман М.В. – М.: ЧеРо, 2002. – 752 с.
3. Ермолаева Е.П. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность // Психологический журнал, 2001. №4. – С. 51-59
4. Шевченко В.Г. Толерантность общества и безопасность личности. Монография. – М.: Изд-во «Альтекс», 2007. – 590 с.
5. Ребер А. Большой толковый психологический словарь. – Т. 1. – М.: Изд-во «АСТ», 2001.